

Viktor BILOTAS

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

Письмо академика Льва Игорева от 5 (17) декабря 1860 года о положении католиков в Китае

РЕЗЮМЕ. Публикуемое письмо академика Льва Игорева (1822–1894) о событиях 1860 года в Китае и о положении католиков в стране представляет интерес не только для китаеведов и историков Церкви, но также для исследователей международных и межрелигиозных отношений, для историков живописи и фотографии. Ценность данному источнику придает упоминание в нем значительного числа важных исторических личностей, фактов, деталей, прежде всего, о католичестве в Китае: прихожанах, духовенстве, миссиях, храмах, богослужениях.

В контексте опубликованных в 1896 году воспоминаний академика Игорева его пекинское письмо расширяет и уточняет знания о Китае 1860-х годов, о жизни католиков страны. Оригинал письма хранится в Государственном архиве Иркутской области, в фонде Иркутской римско-католической церкви, а адресовано оно, вероятнее всего, её настоятелю Христофору Швермицкому (1812–1894), уроженцу Сувалкии, руководившему одним из обширнейших приходов в мире с 1856 по 1894 год.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай в XIX веке, Католическая Церковь в Китае, Вторая опиумная война, католические миссии, академик Лев Игорев (1822–1894).

Автор и адресат

В государственном архиве Иркутской области (ГАИО), в фонде Иркутской католической церкви хранится письмо¹ Льва Игорева², датированное 5 декабря

¹ 1860 12 05 Письмо Иркутскому ксендзу из Пекина от академика Игорева с описанием состояния католического миссионерства в Китае, ГАИО, ф. 297, оп. 1, д. 35, л. 1–2об.

² Лев Степанович Игорев (1822–1894) – российский художник-портретист, иконописец, академик живописи (с 1854 г.), фотограф, в 1858–1864 годы находился в Пекине в составе 14-ой Пекинской духовной миссии.

1860 года³. То, что автором рукописи был известный художник не вызывает сомнений: имя, фамилия и звание разборчиво записаны в конце документа, указанная дата соответствует периоду пребывания академика Игорева в Пекине. Есть и косвенные подтверждения: виды деятельности автора, круг общения.

Не так просто с установлением адресата. В тексте нет ни имени, ни адреса получателя. Исследователь В. Ю. Соломатова (Ларченко), цитировавшая документ в своих работах⁴ считает адресатом Х. Швермицкого⁵, и это, скорее всего, верно по совокупности косвенных признаков. Рассмотрим некоторые из них.

На то, что письмо адресовано именно в Восточную Сибирь в тексте указывает лишь упоминание в заключительной части советника И. С. Сельского⁶, служившего там именно в это время. Поскольку рукопись хранится в фонде Иркутского костела и зарегистрировано архивистом как «Письмо Иркутскому ксендзу из Пекина от академика Игорева с описанием состояния католического миссионерства в Китае», подтверждается регион и сужается круг возможных адресатов до священников Иркутского костела, хотя и не совсем понятно, как архивист определил адресат: по фондодержателю? по регистру входящей документации? по конверту, утраченному позднее?..

В Восточной Сибири в тот период католические священники жили также в других городах: в Нерчинске и Красноярске⁷, однако они жили по одиночке. Только в Иркутске у курата был *сослужитель* (викарий), упомянутый в прощальной части письма. Это обстоятельство вновь возвращает нас в Иркутск, где 14-я Пекинская духовная миссия надолго останавливалась на пути в Китай в 1857–1858 гг., и где участник миссии академик Игорева имел все возможности близко познакомиться с двумя местными католическими священниками, особенно с гостеприимным куратом Х. Швермицким.

³ Дата указана по Юлианскому календарю, и по Григорианскому календарю соответствует 17-му декабря 1860 года.

⁴ Валентина Юрьевна Ларченко, «Католическое миссионерство в Китае глазами Льва Степановича Игорева», *Успехи современной науки и образования* т. 2, № 8, (2016), 16–19; Валентина Юрьевна Соломатова (Ларченко), «Взгляд православия на католическое миссионерство в Китае в конце XIX века», *Известия лаборатории древних технологий* т. 16, № 1(34) (2020), 176–186.

⁵ Христофор Швермицкий (1812–1894) – марианин из Марьямполье Августовской (Сувальской) губернии, сосланный в Иркутск в 1852 году. Курат Иркутской церкви (1856–1894), военный капеллан (1857–1894).

⁶ Илларион Сергеевич Сельский (1808–1861) – выпускник Московского университета, кандидат наук, действительный статский советник, советник Главного управления Восточной Сибири от министерства финансов, правитель дел Сибирского отделения Русского географического общества, краевед, писатель, поэт. Особое значение придавал научным экспедициям, исследованиям Сибири.

⁷ В Нерчинске самостоятельный приход был основан в 1848 году, его курат в 1850–1889 гг. – Андрей Юревич, уроженец Виленской губернии, бернардинец из Могилевского монастыря. В Красноярске приход существовал с 1857 года, курат в 1852–1861 гг. – Винцент Бельский, уроженец Ковенской губернии, бернардинец из Виленского монастыря. Таким образом, все 3 курата Восточной Сибири на 1860 год, были выходцами из трех «литовских губерний».

Итак, письмо, скорее всего, отправлялось в Иркутск католическому священнику, причем монашествующему, судя по слову *Pater* в обращении. Но почему адресатом не мог быть второй патер Иркутской церкви – францисканец Тибурций Павловский⁸, vicарный священник? Этой версии противоречит приветственная фраза Игорева «сослужителю Вашему...», поскольку в переписке с Павловским автор написал бы в приветствии курату «настоятелю Вашему...» или нечто подобное. Кроме того, социальный статус vicария не соответствовал статусу академика Игорева.

В пользу того, что адресатом письма был именно Швермицкий говорит также его принадлежность к дворянскому сословию, высокая должность, образованность, общительность, любознательность, интерес к китайцам, которых он наблюдал недавно (1859 г.) в длительной пастырской поездке. Однако, наиболее весомый аргумент возникает из исторического контекста: за месяц до этого письма, 2(14) ноября 1860 г., был подписан российско-китайский договор, закреплявший значительные территориальные приобретения России на Дальнем Востоке, а следовательно расширявший и до того крупнейший по площади Иркутский католический приход. Поэтому первым человеком среди сибирского духовенства, живо заинтересованным в подробной информации о католиках Китая и их пастырях, был, несомненно, иркутский курат, то есть Христофор Швермицкий, которому предстояло принять в свой приход католиков, проживавших на новоприобретенных землях, ранее принадлежавших Китаю.

Исторический контекст

Однако, кем бы ни был адресат, это письмо, написанное мелким убористым почерком и ровными строками на двух листах, весьма ценно по своему содержанию, ведь исторические события в нем описаны внимательным очевидцем и по прошествии небольшого времени. Для лучшего понимания этого содержания полезно знание контекста.

Об авторе письма и обстоятельствах его приезда в Китай рассказал сам академик Игорева в своих автобиографических воспоминаниях⁹. Согласно автобиографии, несмотря на окончание духовной семинарии, он оставался светским человеком, т.е. не принял духовный сан. 13(25) января 1857 года Игорева перевели с должности преподавателя живописи и иконописи при Петербургской духовной семинарии в «ведомство министерства иностранных дел

⁸ Иосиф Тибурций Павловский (1794–1874), ссыльный францисканец из Пинского монастыря, который был помилован в 1856 году и официально служил vicарием Иркутской католической церкви в 1857–1874 годы.

⁹ «Воспоминания академика академии художеств Л. С. Игорева», *Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы* 1 (1896), 363–372.

с зачислением кандидатом Пекинской духовной миссии и с производством по званию академика художеств в титулярные советники»¹⁰. Принадлежность миссии к МИД, преимущественно политико-дипломатические и исследовательские цели, состав (4 духовных и 6 светских) не вполне соответствовали ее названию. В мае 1857 года эта группа сухопутным путем направилась в Пекин через Иркутск.

35-летний художник эмоционально пережил прощание с родиной: «Грустно было распрощаться на 5 лет, а может быть и навсегда с русской землей и всем русским! Я наклонился, взял горсть земли и, крепко сжав ее в руке, не мог удержаться от слез. Это были слезы такая горькая, какими я уже после не плакал никогда»¹¹. И до конца миссии, несмотря на освоение языка, интересные знакомства, занятия, Игорев не привык к Китаю и считал дни до возвращения в Россию. Пекин он описывал как город скучный, с дурным запахом, с голыми нищими, поедающими отходы, с открытыми туалетами... Среди положительных моментов отмечал превосходство китайцев над европейцами в трезвости и отсутствии воровства по причине жестких наказаний за последнее¹².

Для нас особенно ценно то, что Игорев в своих воспоминаниях кратко описывает события 1860 года, предшествующие написанию публикуемого нами пекинского письма: мученичество пленных и вход британско-французских войск в Пекин. Завершение Второй опиумной войны в Китае, ее последствия – это и есть основной исторический контекст для автора письма, не только наблюдавшего события, но и лично вовлеченного в них.

Не менее мучительным казням подвергались и европейцы из пленных англичан и французов, во время англо-французской с Китаем войны. В это время русский посланник Н. П. Игнатъев был вне Пекина и следовал за англо-французскими войсками, а пекинская духовная миссия оставалась в Пекине, который приготавливался к отпору неприятеля. На городской стене, окаймляющей город на протяжении 40 верст, было до полтора ста тысяч войска, вооруженного луками и стрелами, фитильными ружьями и чугунными пушечками без лафетов, на полу, в амбразурах городской стены. Четыре железных ворот в городской стене были закрыты и засыпаны. В Пекине ощущался недостаток в съестных припасах и были денные разграбления хлебных магазинов и лавок. Опасаясь нападения, мы составили из себя в своем русском подворье ночной караул с револьверами в руках; я имел даже и штуцер. Но, благодаря Бога, не осуществились наши опасения. Китайцы трусили, отворили ворота и англо-французы вошли в Пекин без выстрела. Въехал за ними в Пекин

¹⁰ Ibid., 369.

¹¹ Ibid., 369.

¹² Ibid., 370–371.

и русский посланник Н. П. Игнатьев. Потом все вошло в обычную колею, и я опять стал жить по прежнему: то от жары летом не знал куда деваться, то — скучал при исключительно однообразной жизни. В более сносное время я работал. Рисовал более всего то, что в особенности интересовало меня¹³.

Публикуемое нами письмо *дражайшему патеру* написано уже во время затишья, после взятия Пекина и подписания неравных, унижительных для Китая трактатов, превращавших страну, по сути, в колонию западных держав и в должницу «посреднице» России, взявшей за сомнительные услуги своего дипломата обширные плодородные территории Приамурья и Приморья. Это одна из темнейших страниц в истории для побежденных и радостная – для победителей и «посредников». Россия значительно расширила владения на Восток, при этом продолжая играть роль «друга и посредника» для китайских властей. Британия и Франция получили свободу торговли, в том числе, сверхдоходным опиумом, а также полную свободу миссионерской деятельности.

Католические миссии в Китае, многочисленные и разнообразные, активно действовали в правление папы Пия IX (1846–1878) и традиционно поддерживались Францией, «старшей дочерью Церкви». Поэтому вполне объяснимо отстаивание прав и интересов китайских католиков и миссионеров именно французскими дипломатами, тем более, что их помощниками и переводчиками зачастую были представители католического духовенства. Полученные по трактатам 1858–1860 гг. протекции и свободы для христиан, возвращение им имущества, компенсации за ущерб не могли не радовать христианское меньшинство Китая, но и не могли не вызывать противоположных эмоций у «языческого» проигравшего большинства, вылившихся со временем в неоднократные погромы, особенно кровавые в период «боксерского восстания».

Структура документа

Письмо патеру можно условно поделить на шесть неравных частей. В первой академик Игоров приветствует адресата и называет причину написания – неожиданное «благосклонное письмо» самого иркутского настоятеля с просьбой о некоей информации. Затем, во второй части, автор сообщает об улучшении положения католиков Китая, об их храмах, миссиях. В третьей части – перечисляет китайских католических епископов и священников того времени. В четвертой, самой объемной и детальной, говорит о расправе над военнопленными

¹³ Ibid., 371.

англичанами и французами, описывает их торжественные похороны. В заключительных 5 и 6 частях – короткая характеристика католиков-китайцев и слова прощания.

Внутри частей есть немало ценных примечаний, пояснений, знакомящих читателя с контекстом, с любопытными деталями. На композицию текста заметно влияет профессия автора: описание событий напоминает серию полотен с основными сюжетами, вторым и третьим планами. Так, в части о католиках Китая Л. Игорев помещает их в исторический и политический контекст, описывает храмы Пекина. Говоря о католическом духовенстве, упоминает об отношениях последнего со светскими властями и православными иерархами, словесно изображает лица, прически, одежду. Объемная же часть о похоронах замученных военнопленных и вовсе выглядит как своего рода триптих: история мучений, торжественные похороны и служба в храме. И снова автор живописно передает детали: персоналии, их поведение, одежду. Пожалуй, это тот случай, когда знание о профессии автора позволяет глубже и полнее понимать его тексты.

Темы и перспективы использования источника

Внимательное изучение текста письма позволяет открыть в нем целый ряд разнообразных тем, затронутых автором. Во-первых, речь в документе идет о Китае и его истории, что весьма актуально. Игорев пишет также о дружественных отношениях католиков и православных, о положении католиков в Китае и их истории, об их храмах и духовенстве, о французских и английских дипломатах и военных, о представительстве России и посланнике, о католических иерархах и об их внешнем виде, о мучениях европейских военнопленных и об их похоронах, о католическом богослужении, о проповеди, о католиках-китайцах, о миссиях в регионах Китая, о пекинских кладбищах, о художниках, о российских чиновниках, о почтовой службе. Такая высокая информативность публикуемого источника позволяет использовать его в целом ряде исследовательских направлений: история христианства (миссии, Церковь в Китае, экуменизм, литургия, архитектура); история Китая, Англии, Франции, России; военная история; история международных отношений; история живописи.

Текст письма готовился к публикации в полном соответствии с оригиналом, в том числе, с сохранением орфографии XIX века и авторской пунктуации. Единственная корректура – использование современного русского алфавита вместо устаревшего.

5 (17) декабря 1860 года, Пекин,

**Письмо Иркутскому ксендзу из Пекина от академика Игорева с описанием
состояния католического миссионерства в Китае**

Оригинал хранится в ГАИО, ф. 297, оп. 1, д. 35, л. 1–2об.

[1] Пекин 1860. Дек[абрь] 5.

Carrissime et Reverendissime Pater¹⁴!

Совсем неожиданно, имел удовольствие получить Ваше благосклонное письмо. С искреннею охотою спешу поделиться с Вами моими сведениями касательно Вашего желания. По изменившимся обстоятельствам Китайско-Европейских политических дел¹⁵, изменился и такт в Пекине Христиан-Католиков. Всё что только мне теперь известно относительно Вашего желания могу порадовать Вас доброй весточкою. Вам конечно уже известно, что Французы дали себя понять: были в Пекине как хозяева и выехали из него не даром¹⁶... Всё, чего требовало Провидение, обновилось свободою прославлять Христа и Его Церковь. По Европейским трактатам дозволена теперь свобода Христианского вероисповедания и миссионеры могут жить во всех местах Китайской Империи, могут строить храмы, училища, покупать места и открывать заведения, согласныя с полезными видами. Прежде Христиане-Католики совершали богослужение свое в частных домах, а теперь открыт у них отличной архитектуры храм близ Шунь-Чжи-мынских ворот¹⁷. Это только один в Пекине храм которого не коснулись руки язычников. В Пекине, в цветущее время Христиан-Католиков, именно при

¹⁴ Дражайший и Достопочтеннейший Отче! (лат.) В слове *Carissime* ошибочно написаны два *r*, опечатка, которая в конце этого письма не повторяется.

¹⁵ За несколько недель до написания этого письма в Пекине были подписаны конвенции (трактаты) Великобритании и Франции с побежденным во Второй опиумной войне Китаем, в которых речь шла не только о свободе торговли для купцов из стран-победительниц, но и о восстановлении христианских миссий. В франко-китайской конвенции был установлен и порядок возвращения имущества христианам: «Ст. VI. В соответствии с Высочайшим указом Августейшего императора ДАО ГУАНА от двадцатого марта тысяча восемьсот сорок шестого года, религиозные и благотворительные учреждения, которые были конфискованы у христиан во время гонений, жертвами которых они были, подлежат возвращению своим владельцам через французского посланника в Китае, которому Императорское Правительство передаст их вместе с принадлежащими им кладбищами и другими сооружениями» (24.10.1860).

¹⁶ Вероятно, имеются в виду контрибуции, а также награбленное, особенно во дворцах императора.

¹⁷ Как утверждает сам Игорева, в его время целым был только один католический храм – Южный, находившийся вблизи Императорского города, около его юго-западного угла.

Императоре Кансие¹⁸ хороших и изящных храмов было четыре и они назывались: Южный, восточный, северный и западный. Все эти храмы теперь возвращены. Южный остался как был, хотя стоял несколько лет с заложённым кирпичем входом. Теперь он освящен, открыт и было уже несколько раз богослужение. Восточный вовсе не существует, но остались одни окружающие его строения, ему принадлежащая. Северного храма остался один фундамент, и окружавшие его строения. Западного же храма известно только одно место, где он был. Христиан-Католиков, как я слышал от китайца-католика и вместе художника, моего приятеля, более двух тысяч, но вне Пекина их много. До войны Англо-французов с Китаем в Пекине были священники – Китайцы Католики. [1v] А теперь в Пекине живет Архиепископ Му-ли¹⁹. При нем французский священник Се' и три Китайца – католических священника: Кэ', Ма и Лю. Когда французский посланник Гро²⁰ находился в Пекине я видел здесь Епископа Ануиль²¹, а по китайски Дун; аббата Деламара, состоящего при Французском посольстве переводчиком; полкового священника Сере и другого [?] полкового, но забыл его имя. Я со всеми с ними познакомился они были у нас подворье, даже у меня в квартире не один раз. С отъездом посланника, уехал Епископ Ануиль и полковые священники в г. Тянь-цзин²². А Деламар в Сы-Чуань²³, где он прожил лет двадцать и так привык к этому месту, что не хотел остаться в Пекине. Сы-Чуань, где-то близ Тибета. Деламар бреет до половины головы и носит косу, приятной и пожилой наружности. Одевается по Китайски как и все живущие в Китае Католические священники, не исключая и Архиепископа Му-ли. Он настоящий Китаец! Какое доброе у него предоброе лицо и как он хорошо говорит. Он бывал у посланника

¹⁸ Канси (личное имя – Сюань Е, 1654–1722) – третий сын Шуньчжи, второй император маньчжурской династии Цин в Китае (1662–1722). Проявил себя как умеренный правитель, просветитель, покровительствовал ученым, особенно иезуитам.

¹⁹ Joseph-Martial Mouly, С. М. (1807–1868) – лазарист из Франции, священник с 1831 г., епископ с 1842 г. В 1840–1846 гг. Апостольский викарий Монголии, в 1846–1856 – Апостольский администратор Пекина, с января 1856 – Апостольский викарий Пекина, с мая 1856 – Апостольский викарий Северной Чжили (Се-Li Septentrionalis sive Pekinen). С 1842 года и до смерти Мули был титулярным епископом Фуссалы, о его назначении архиепископом в справочнике Hierarchia Catholica данных нет.

²⁰ Jean-Baptiste Louis Gros (1793–1870) – барон, французский дипломат, сенатор, один из пионеров фотографии. Был послом в Греции и Великобритании, подписал договоры с Китаем в Тяньцзине (1858) и Пекине (1860).

²¹ Jean-Baptiste Anouilh, С. М. (1819–1869) – лазарист из Франции, священник с 1846 г., титулярный епископ Абидо с 1851 г. Помощник Апостольского администратора Мули в Пекине с 1848 г., Апостольский викарий Юго-западной Чжили (Се-Li Meridio-Occidentalis) с 1858 г. Таким образом, два китайских викариата из трех были поручены лазаристам, а третий – Юго-восточный – иезуитам.

²² Тяньцзинь – город на северо-востоке Китая, на берегу Бохайского залива, в 96 км на юго-восток от Пекина. В XIX веке – резиденция наместника Чжили и «ворот в Пекин», а потому – место международных переговоров.

²³ Сычуань – провинция в центре Китая.

нашего²⁴ несколько раз, был и у Архимандрита нашего²⁵. Я все собираюсь к нему съездить и предложить свои услуги снять с него портрет²⁶. Вчера я беседовал с моим приятелем китайским художником, и он сказывал что скоро приедет в Пекин Французский священник Сы. Он где-то жил и проповедовал христианство вне Пекина. Из старших при Архиепископе священников теперь Се, распространявший христианство в Монголии. Как рады теперь Христиане-Католики, что могут молиться теперь в открытых храмах! Вы я думаю уже слышали, что Китайцы [?] человек до тринадцати, близ Тун-Чжоу²⁷, на пути к Пекину, взяли в плен часть Англичан и часть Французов после переговоров самым постыдным образом обманом, и эт[их] пленных засадили в Пекине в тюрьму, издеваясь над ними безчеловечно и немилосердо. Кто умер в тюрьме от голода, кто от побой, у кого обножились от веревок кости, а у [о]дного заживо крысы живот съели. Не многим суждено было остаться живыми²⁸. Пленных мучеников, Англичане своих похоронили на Русском кладбище, а Французы похоронили своих соотечественников на Португальском кладбище, которое теперь в их полном владении. Я кажется описываю[2]вал²⁹ Вам это кладбище? Прекрасное! Из французских пленных мучеников был полковник, – интендант артиллерии отличавшийся несколько раз в Африке, один кажется офицер, а прочие солдаты. Картина похорон чрезвычайно была трогательна! Процессии началась от Кумирни Юн-Ху-Гунь и продолжалось шествие в сопровождении части войска с неумолкаемым музыкальным маршем более трех часов. При похоронах, кроме французского штаба присутствовал Английский главнокомандующий Генерал Гопп-Грант³⁰,

²⁴ Николай Павлович Игнатьев (1832–1908) – граф, российский дипломат, министр. Был послом в Китае и Турции. В Китае в 1860 году добился ратификации Тяньцзиньского российско-китайского договора 1858 года подписанием расширенного Пекинского соглашения, что позволило закрепить за Россией права на Амурский край и Приморье.

²⁵ Архимандрит Гурий (Карпов Григорий Платонович), родился в 1814 г. в Саратове, умер – 17.03.1882 в Симферополе), участник 12-ой Пекинской духовной миссии, начальник 14-й Пекинской духовной миссии. Иеромонах, миссионер, переводчик, помогал российским дипломатам при ведении переговоров с властями Китая, с 1867 г. – епископ Таврический и Симферопольский.

²⁶ Речь скорее всего об услуге фотографа, а не художника, поскольку последний *пишет* или *создает* портрет, а не *снимает* его. Эта фраза в письме может быть подтверждением того, что Игоров был первым или одним из первых фотографов в Пекине (Ср. Павел Владьевич Хорошилов и Светлана Львовна Шевельчинская, «Первая фотография в Пекине академика Льва Игорева», *Фотография. Изображение. Документ* 10, (2021), 9–20.)

²⁷ Тунчжоу (Tōngzhōu) – древнее поселение в восточном пригороде Пекина (сегодня – один из районов столицы).

²⁸ По данным историков Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо в плен попали 11 французов и 26 англичан, выжило из этих 37 лишь 17 человек.

²⁹ Эта фраза позволяет предполагать существование других писем Игорева Швермицкому, написанных раньше.

³⁰ James Hore Grant (1808–1875) – британский генерал, один из руководителей подавления восстания сипаев в Индии. С 1859 года – командующий британскими войсками в Китае.

генерал Непыр³¹ с своею свитою и несколько Англичан из Посольства, был и Паркс³², находившийся у Китайцев в плену. Был и посланник наш с своею свитою, Николай Павлович Игнатъев. Погребение совершал Архиепископ Му-ли со многими священниками. Аббат Сере говорил речь, потом начальник Артиллерии и наконец сказал несколько трогательных слов генерал Монтобан³³ от лица всей французской армии, заключив словом – прости! На другой день – 17-го октября совершалось богослужение в Католическом Южном храме и в конце панихида за упокой пленных мучеников. При богослужении присутствовали Французский посол барон Гро со свитою, Главнокомандующий генерал Монтобанъ. Посланника нашего небыло по нездоровью, но были Капитан Балюзек³⁴, состоящий при русском посланнике и секретарь г[осподин] Вольф³⁵. Англичан небыло ни одного. Служил Епископ Ануйль а Му-ли говорил речь, в которой упомянув о трудах воинов во время похода и непредвиденных препятствиях к достижению мира, сказал, что эти препятствия теперь побеждены. Провидение послало Ангела мира (говоря о Русском посланнике)³⁶. Теперь остается только благодарить бога в этом храме, который затворен был несколько лет. Не могу не сказать Вам, как недовольны были Китайцы-Католики во время богослужения своими патронами Христиан[ской] веры – французами. Все французы стояли в фуражках, но это пожалуй еще ничего, потому что и Китайцы Католики в церкви стоят всегда в шапках, но они знают, что неприлично в церкви курить сигары, а патроны их курили и разговаривали довольно нескромно. Только и стояли в церкви с открытой головою одни русские да человека три из французов. Я не думаю, чтобы во Франции позволялась такая свобода в хра[2v]мах? Извините меня, что я так рассуждаю. Китайцы Католики довольно народ

³¹ Robert Cornelis Napier (1810–1890) – в Пекинской кампании 1860 года был генералом, командовал 2-й дивизией под началом сэра Джеймса Хоупа Гранта. В последствии – британский фельдмаршал, губернатор Индии и Гибралтара.

³² Harry Smith Parkes (1828–1885) – британский дипломат. В 1860 году находился с руководством Пекинской военной кампании, участвовал в переговорах с китайскими представителями. После одной из таких встреч арестован китайцами, помещен в пекинскую тюрьму, претерпел пытки и был осужден на казнь за отказ сотрудничать. Приговор исполнить не успели из-за прихода к Пекину войск союзников. После войны Паркс продолжал дипломатическую службу в Азии: Китае, Японии, Корее.

³³ Charles Guillaume Marie Appollinaire Antoine Cousin Montauban (1796–1878) – французский генерал, военный министр.

³⁴ Louis Heinrich von Balluseck (1822–1879) – российский военачальник, дипломат. Преемник посланника Н. П. Игнатъева в Китае (1861–1863).

³⁵ Вероятнее всего, это был Павел Генрихович Вольф, служивший в Восточной Сибири с 1850 года в чине коллежского секретаря. С 1852 года – переводчик Главного Управления Восточной Сибири, затем – в распоряжении Кяхтинского градоначальника.

³⁶ Существуют разные оценки заслуг Н. П. Игнатъева в переговорах 1860 года. Часть историков утверждают, что, если бы не его интриги ради приобретения Россией новых земель в Приамурье и Приморье, мирный договор мог быть подписан намного раньше и без посредничества российского посланника. Не исключено и то, что епископ, говоря об ангеле, имел в виду именно ангела.

набожный и многие знают и понимают очень хорошо дух веры. Некоторые из них знают Священную историю и понимают отлично как вести себя. Извините, кажется, я уже заболтался, да и время осталось не много до отсылки. Г[осподин] Шишмарев³⁷ уже одет и от[би]рает у нас письма. До приятной беседы

Carissime Pater!

многоуважающий Вас
Лев Игорев

Служителю Вашему доброму патеру³⁸ мой искренний поклон, а равно и Его Превосходительству Илариону Сергеевичу Сельскому мое глубочайшее почтение.

Адрес мой: В канцелярию Г[осподи]на кяхтинского³⁹ градоначальника для пересылки в Пекин академику Игореву.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 297. Община верующих при Иркутском римско-католическом костеле.
2. «Воспоминания академика академии художеств Л. С. Игорева». *Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы* 1 (1896): 363–372.
3. Ларченко, Валентина Юрьевна. «Католическое миссионерство в Китае глазами Льва Степановича Игорева». *Успехи современной науки и образования* т. 2, № 8 (2016): 16–19.
4. Соломатова (Ларченко), Валентина Юрьевна. «Взгляд православия на католическое миссионерство в Китае в конце XIX века». *Известия лаборатории древних технологий* т. 16, № 1(34), (2020): 176–186.
5. Хорошилов, Павел Владьевич и Светлана Львовна Шевельчинская. «Первая фотография в Пекине академика Льва Игорева». *Фотография. Изображение. Документ* 10 (2021): 9–20.
6. Cheney, David M. «The Hierarchy of the Catholic Church. Current and historical information about its bishops and dioceses». Дата обращения 01.07.2023. <https://www.catholic-hierarchy.org>.
7. Majdowski, Andrzej. *Kościół Katolicki w Cesarstwie Rosyjskim: Syberia, Daleki Wschód, Azja Środkowa*. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2001.

Gauta: 2023 07 05

Parengta: 2023 11 20

³⁷ Вероятнее всего, это уроженец Кяхты Шишмарёв Яков Парфеньевич (1833–1915), скреплявший Айгунский договор о границах от 16 мая 1858 года и записанный в этом договоре как «состоящий при генерал-губернаторе Восточной Сибири переводчик губернский секретарь Яков Шишмарев».

³⁸ Термин *pater* в российских документах традиционно использовался в отношении монашествующих римско-католических священников. Скорее всего, речь здесь идет о Тибурции Павловском (1794–1874).

³⁹ Кяхта (Троицко-Савск) – город в Бурятии на границе России и Китая. В XIX веке был важным административным, военным и торговым центром в составе Иркутской губернии.

Viktor BILOTAS

1860 M. GRUODŽIO 5 (17) D. AKADEMIKO LEVO IGOREVO LAIŠKAS APIE KATALIKŲ PADĖTĮ KINIJOJE

S a n t r a u k a

Publikuojamas akademiko Levo Igorevo (1822–1894) laiškas apie 1860 metų įvykius Kinijoje ir apie katalikų padėtį šalyje naudingas bei įdomus ne tik sinologams ir Bažnyčios istorikams, bet ir tarptautinių bei tarpreliginių santykių tyrinėtojams, tapybos ir fotografijos istorikams. Šis šaltinis vertingas todėl, kad jame paminėta nemažai svarbių istorinių asmenybių, faktų, detalių, susijusių su katalikybe Kinijoje: parapijiečiais, dvasininkais, misijomis, šventyklomis, pamaldomis.

1896 metais išleistų akademiko Igorevo atsiminimų kontekste jo Pekino laiškas praplečia ir patikslina žinias apie 1860-ųjų Kiniją, apie šalies katalikų gyvenimą. Laiško originalas saugomas Irkutsko srities valstybiniame archyve, Irkutsko Romos Katalikų Bažnyčios fonde ir greičiausiai buvo adresuotas klebonui Kristupui Švirmickui (1812–1894), kilusiam iš Suvalkijos, vadovavusiam vienai iš didžiausių parapijų pasaulyje 1856–1894 m.

RAKTAŽODŽIAI: Kinija XIX amžiuje, Katalikų Bažnyčia Kinijoje, Antrasis opijaus karas, katalikų misijos, akademikas Levas Igorevas (1822–1894).

Viktor BILOTAS

LETTER FROM ACADEMICIAN LEV IGOREV DATED DECEMBER 5 (17), 1860 ON THE SITUATION OF CATHOLICS IN CHINA

S u m m a r y

The published letter of Academician Lev Igorev (1822–1894) about the events of 1860 in China and about the situation of Catholics in the country is of interest not only to Sinologists and Church historians, but also to researchers of international and interreligious relations, to historians of painting and photography. The value of this source is given by the mention in it of a significant number of important historical figures, facts, details, primarily about Catholicism in China: parishioners, clergy, missions, temples, rites.

In the context of Academician Igorev's memoirs published in 1896, his Beijing letter expands and clarifies knowledge about China in the 1860s, about the life of the country's Catholics. The original letter is stored in the State Archives of the Irkutsk Region, in the fund of the Irkutsk Roman Catholic Church, and it is most likely addressed to the rector Christopher Shvermitsky (1812–1894), a native of Suvalkia, who led one of the largest parishes in the world from 1856 to 1894.

KEYWORDS: China in the 19th century, the Catholic Church in China, the Second Opium War, Catholic missions, Academician Lev Igorev (1822–1894).

Виктор БИЛОТАС – PhD, исследователь в Центре истории Католической Церкви Литвы при университете Витаутаса Великого. Церковную историю изучал в Папском Григорианском университете и в университете Витаутаса Великого. Научные интересы: история Церкви, история литовцев в Сибири. Эл. почта viktor.bilotas@vdu.lt, vbilotas@gmail.com.

Viktor BILOTAS – PhD, Vytauto Didžiojo universiteto Lietuvos Katalikų Bažnyčios istorijos centro tyrėjas. Studijavo Bažnyčios istoriją Popiežiškajame Grigaliaus universitete ir Vytauto Didžiojo universitete. Moksliniai interesai: Bažnyčios ir lietuvių Sibire istorija. El. paštas viktor.bilotas@vdu.lt; vbilotas@gmail.com.

Viktor BILOTAS – PhD, researcher at Vytautas Magnus University (Lithuania) of the Lithuanian Catholic Church History Center. He studied history at Pope Gregory University and at Vytautas Magnus University. Scientific interests: History of the Church and Lithuanians in Siberia. E-mail viktor.bilotas@vdu.lt; vbilotas@gmail.com.